

Конспект второй лекции и общий план курса «Миросозерцание и характер»²

{Духовный предмет как предмет миросозерцания и как предмет философии. Проблема философского опыта}

1.

18/II-21

Миросозерцание и характер — проф. Ильин А. И.³

Господа, все, что я говорил раньше и говорил вам прошлый раз, я бы мог выразить в небольшом тезисе так: в основе речи лежит духовный опыт; если этот духовный опыт дефективен, то дефективно и речение.

Речь имеет, несомненно, измерения логически-аргументированные. Но глубже этих измерений, объектов их, порождения их, лежит измерение предметное. Предметное измерение речи постигается именно духовным опытом, его составом, его активностью, его закономерностью. *Что такое духовный опыт? Что значит дух?*

Я думаю, что по этому вопросу нам необходимо договориться с чрезвычайной строгостью. Но не регистрируйте моего воззрения в качестве моего воззрения. Мое воззрение есть мое воззрение, которое никого интересовать не может. Но правильно ли или неправильно оно — должно интересовать всякого. Не то, что я думаю, не то, что я думаю так, а то, что это так на самом деле, или же, если это не так⁴, то это на самом деле иначе.

И вот, когда я говорю, — тут необходимо договориться с ясностью, точностью, определенностью, — то я и говорю о том, что это так на самом деле. (?)

Не слушайте меня ухом, и не слушайте меня мыслью, а слушайте меня внутренним опытом, подлинным самым духовным опытом и взором (?), — содержание (?), которое в этом внутреннем опыте, свидетельствует о своем предмете, или преобразует предметность.

Слушать и только запоминать не стоит, *но должно переварить* в духовном опыте. (?)

Если я что говорю, то не принимайте на веру, проверяйте это на себе, на достигнутых *результатах* (?) своей собственной культуры, проверяйте на этом содержании, чтобы попытаться решить — так или не так. (?)

Только при этом условии я могу вам гарантировать, что наше общение может иметь какой-нибудь успех и какие-либо результаты.

Я поставил вопрос, что такое дух и что такое духовная культура.

Я хотел бы подойти к этому вопросу в таком порядке.

Есть наука, которая специально ведает духовный культурой, изучает ее содержание, ее предмет. Эта наука — философия. Поэтому, если бы я хотел поставить перед вами вопрос и разрешить вопрос, что такое дух, духовная культура, — я должен был бы решить, что такое философия, каков ее предмет.

¹ Иван Александрович Ильин (9 апреля 1883–21 декабря 1954) — русский религиозный философ, правовед, публицист, литературный критик.

² Публикация по: *Ильин И. А. Миросозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522. Л. 34–45.*

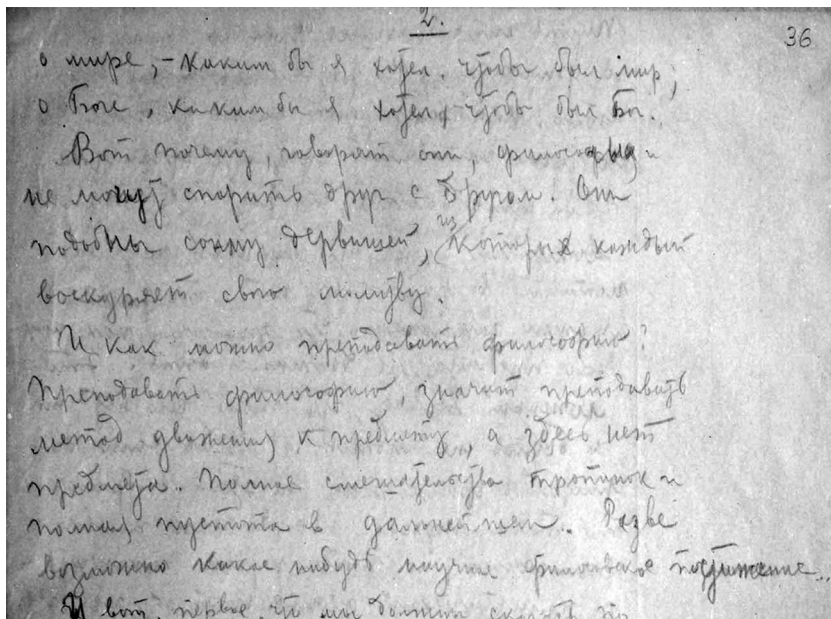
³ Инициалы Ильина изменены местами по ошибке автора конспекта.

⁴ С начала предыдущего предложения и до этого места на полях вертикальная черта и знак вопроса. Знаки вопроса, приводимые нами в конце предложений, стоят в рукописи за вертикальной чертой на полях напротив этих предложений. Знаки вопроса, встречающиеся внутри предложений, за отдельными словами, так и стоят в рукописи.

Я сразу выражу свое убеждение, если скажу вам, что ⁵философия есть больше, чем жизнь, — она есть завершение жизни. И в то же время <скажу>, что жизнь первой философии, потому что жизнь есть источник и стихия. {В статье «Философия и жизнь»: она есть ее источник и предмет.}

Среди людей, чуждых и предмету духовной культуры, и развитию (?), давным-давно существовало и существует распространенное воззрение, согласно которому философия не имеет никакого отношения к жизни, не имеет своего предмета и не есть наука. Это, в лучшем случае, прекрасная душевная мечта. Именно поэтому, говорят они, жизнь нуждается в науке и не нуждается в философии. А наука проверяется жизненной практикой, но вполне может обойтись без философской отвлеченности.

Философия, как думают многие, есть мечтательное умствование, неумное мечтание: кто о чем хочет, тот о том и мечтает. Правил во внутреннем опыте нет и быть не может. Человек бежит от прозы и запросов жизни и бежит в мир химерической отвлеченности. Пытается заговорить себя и постепенно создает вокруг себя стену из громких слов и никому не нужных выдумок. Трезвый скептик говорит, что здесь нет единого общего всем предмету, нет единого и зрелого научного метода, потому что каждый философ говорит о своем, каждый говорит о своей личной химере. Посмотрите, все они не согласны друг с другом. Каждый из них не приемлет химеру другого, потому что она — чужая. Только моя сказка и важна. Ею закрепляется личная мечта о себе, — каким бы я хотел быть;

Фрагмент публикуемой рукописи конспекта второй лекции из курса И. А. Ильина «Мирозерцание и характер»

⁵ Звездочками обозначен фрагмент лекции, повторяющий (местами приблизительно, местами достаточно точно) начало статьи И. А. Ильина «Философия и жизнь». Данная статья впервые была опубликована в 1923 г. в сборнике «София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии» в издательстве «Обелиск», сборник был подготовлен под редакцией Н. А. Бердяева. Впоследствии вышла в составе сборника статей Ильина «Религиозный смысл философии: три речи (1914–1923)» в издательстве У. М. С. А.-PRESS в 1925 г. Изначально текст статьи «Философия и жизнь» был написан в качестве речи перед диспутом, произнесенной на защите диссертации И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918).

2.

о мире, — каким бы я хотел, чтобы был мир; о Боге, — каким бы я хотел, чтобы был Бог. Вот почему, говорят они, философы и не могут спорить друг с другом. Они подобны сонму дервишей, из которых каждый воскуряет свою молитву.

И как можно преподавать философию? Преподавать философию — значит преподавать метод движения к предмету, а здесь нет предмета. Полное смешательство тропинок и полная пустота в дальнейшем. Разве возможно какое-нибудь научное философское постижение?..

И вот, первое, что мы должны сказать по поводу этого скептицизма, это следующее: если философия порождает одни химеры или умственные мечты, то и нет вовсе науки философии и преподавание ее совершенно невозможно; все создания ее — порождения героя и таланта, и они, быть может, войдут в историю искусства, а творений философии как таковой не останется. (?) {В статье «Философия и жизнь»: Все создания ее порождены игрою ума и таланта; они войдут, может быть, в объем искусства, и тогда история философии будет поглощена историей литературы.} Но верно ли, что это так? Верно ли, что самый способ исследования делает невозможным философию как науку, по самому предмету? Верно ли, что она оторвана от жизни? (?) Если это верно, то тогда никакого духовного предмета нет, *никакого предмета культуры* нет (?). Среди тех, которые занимаются философией, есть много <людей>, которые виноваты в том, что на философию как науку сложилось такое воззрение. И философская культура России не сумела еще побороть в себе беспредметного импрессионизма, т. е. <того, что> *для меня* так, а *для тебя* иначе, и никакого *не для* — нет.

Пусть есть большие дефекты там и сям в философии. Но разве недостатки *существования* (?) компрометируют самое задание? Разве недуги составляют сущность организма? Если есть больные, то разве нет здоровья?

Допустим даже, что никакой научной истины в философии нет, — разве <отсюда> можно заключить, что философии как научного предмета не должно и быть? Это ложный вывод, что того, чего нет, того и быть не может. Ведь если отрицать философию по этим соображениям, то тогда нужно покончить не только с философией, но тогда нужно покончить и с политической деятельностью, ибо где же и нет {не бывает без} ошибок, как <не> в политике? А если она ошибается, то я скажу: вот, она лжива; в политике, значит, нет задания, нет предмета. Но тогда нужно покончить и с медициной, ибо я берусь вам доказать, что всюду есть ошибки, всюду были неудачи. И что из этого?

И, может быть, враги философии допустят, что неудача и неумение были всюду, не только в философии, но в философии не недостатки составляют самую сущность организма. Но, может быть, тогда скажут, что здесь и организма совсем нет, а один только недуг. <Скажут, что нереальна> Самая попытка философии постигнуть внутренний предмет и на нем построить жизнь, что само это задание таит в себе мнимую неосуществимость, {в статье «Философия и жизнь»: *внутренний порок неосуществимости*} мнимую проблему, ложную проблему. А это порождает сплошные гнезда недоразумений, и, значит, ясно, что она пуста и мертва, что у нее не может быть подлинной творческой связи <с жизнью>.

Я думаю, что кто бы доказал эти принципы, эти тезисы, тот оказал бы величайшую услугу человечеству, ибо он положил бы раз и навсегда пределы философии как науке. Он размежевал бы человеческие явления на фантазию, которая имеет дело только с *по-моему*, и на настоящее достигаемое творчество, что есть *на самом деле*. Он направил бы новые силы в сторону искусства или религии, но философии пришел бы конец, и философия оказалась бы культурным пережитком [подобно], очень сходным с алхимией, «перпету мобиле»⁶ и пр. Это была бы чистка духовной культуры. Но до сих пор врагам философии не удалось доказать этих тезисов.

⁶ Транслит «perpetuum mobile» (лат.) — вечный двигатель.

Правда, они иногда побеждали, доказывая, что некоторые философские мысли недостаточно методичны. И они правы, когда указывают на расхождения, на различные воззрения в философии... Но разногласия есть и в естествознании. Разногласия и расхождения есть всюду, но можно ли отсюда заключать, что где разногласия, там нет предмета? Это не верно. Однако все это нисколько не подтверждает их принципиального отрицания философии*⁷.

Доказывать ее невозможно. Здесь дело не в доказательстве или недоказательстве, а в том, что они имеют перед собою творчество, сущность которого скрыта от них, и предмет, доступа к которому они не знают. Их суждение порождено не опытом или законом (?), а непониманием и *предвзятостью* (?).

Я вспоминаю, когда слышу их аргументы, доводы одного крестьянина, который говорил: «Как это земля вертится? Что же я этого не чувствую и т.д.? Значит, она не вертится».

Однако ученый не поддается на это и говорит: «У меня есть особые соображения, особые данные, что земля круглая и что она вертится». Часто бывают случаи, что человек отрицает то, чего не видел. Поэтому я хотел бы сказать, что это слепое отрицание... (?) Это суждение со стороны... Человек просто не имеет запросов в этой области. Не выковал в себе органов для этого внутреннего опыта. Да может, он и не нуждается в этом опыте. А вот другой, может быть, нуждается, может быть, имеет опыт. Поэтому кто во внутреннем опыте не нуждается и его не имеет, тот имеет *характер познания* «априори», т. е. вне опыта, без опыта. (?)

Если бы я, например, услышал о свойствах радия и ничего до того не знал о радиации, я бы сказал: «Нет, это неправдоподобно...» Однако это есть. Вообще человек, который вне опыта, без опыта отрицает бытие радия — не прав. Соображение *отрицания* (?) философии имеет априорный характер... (?)

3.

Но многие сомневающиеся в философии могут спросить, откуда же мне известно, что это на самом деле [так] реальность... (?)

Вы можете сообразить, что если я сейчас произношу эти слова, что если я высказываю эти свои убеждения так, как я их высказал, — я связываю с этими убеждениями свое доброе имя ученого. Доброе имя ученого состоит в том, что, утверждая нечто, он утверждает именно то, что признает подлежащим утверждению, и то, что произносит, беретса доказывать и доказывает. (?)

Долгие годы в философии я не позволял себе доказывать ничего, — до тех пор, пока не стал видеть, что я могу доказать. (?)

Я говорю, что, вопреки мнению, относящемуся отрицательно к философии, к духу, духовному опыту и духовной культуре, я утверждаю, что *философия имеет свои методы, свою научную лабораторию и свои истинные достижения. Эта лаборатория, конечно, не всем доступна. Одни не хотят войти и потому отрицают; другие не могут — и потому отрицают. Но даже из тех, которые мнят себя философами, не все служат философии и не все творят ее.

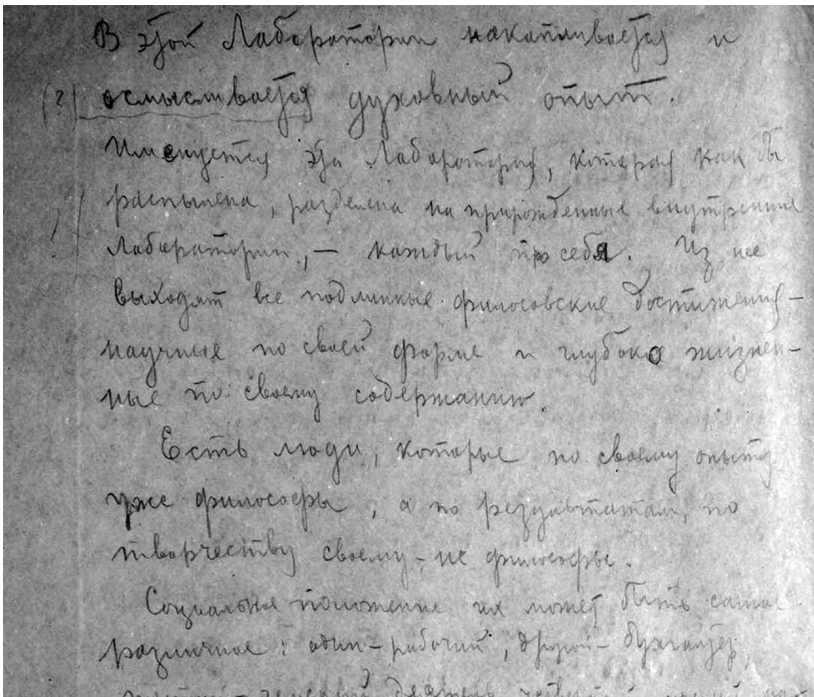
Но зато в этой лаборатории живут и работают многие из людей, не знающих, что они в ней работают, которые действуют, творят, служат в ней и не понимают своей деятельности. Я думаю, что в ней живут и работают многие из вас.

В этой лаборатории накапливается и *осмысливается* (?) духовный опыт.

Именуется эта лаборатория, которая как бы распылена, разделена на прирожденные внутренние лаборатории, — каждый про себя. Из нее выходят все подлинные философские достижения — научные по своей форме и глубоко жизненные по своему содержанию*⁸.

⁷ Ильин И. А. Философия и жизнь // Религиозный смысл философии: три речи (1914–1923). Париж: У. М. С. А. -PRESS, 1925. С. 63–65.

⁸ Там же. С. 65.

Фрагмент публикуемой рукописи

Есть люди, которые по своему опыту уже философы, а по результатам, по творчеству своему — не философы.

Социальное положение их может быть самое различное: один — рабочий, другой — бухгалтер, третий — земский деятель, четвертый — ученый-математик, пятый — кондуктор трамвая и т.<ак> далее, и, тем не менее, многие из них по опыту своему уже философы. Они не могут, не в состоянии дать умственно-зрелого итога своего опыта, но лабораторию свою имеют. Доказать невозможность таких достижений, достижений истинно-научного характера из этой лаборатории — нельзя. Нельзя доказать, что здесь невозможно достижение. Доказать невозможность таких достижений нельзя потому, что они фактически имеются.

Народ с ... (?) хранилище философии. (?) Философия уже показала, что она, во-первых, имеет подлинную творческую связь с жизнью. Она доказывала и доказывает, что у нее есть особый самостоятельный предмет. И она — философия — по самому существу своему ищет доказательств для каждого из своих утверждений. И она уже многое доказала. И тому, кто не признает философии, должно закрывать глаза и доказывать, что достижение не состоялось и что такого нет, да и быть не должно. Нет, ничего нет, и невозможно... Когда оно тут уже. Для этого он должен обеспечить себе и своему слушателю слепоту. И если он «победит», то это будет свидетельствовать о его некомпетентности...

Но ведь в такое положение духовного опыта, духовного достижения может поставить себя и каждый мистик, каждый мистик-шарлатан. Они тоже могут говорить, что они прозревают в пространстве и во времени, что они беседуют с невидимыми существами — ангелами, и что кто этого опыта не имеет, тот и отрицать его не имеет права. Отличие здесь в том, что тот, т. е. всякий мистик, основывается (?) на замкнутости своей практики, он варит свое варево на кухне, в закрытом котле, варит никому не ведомое варево и уверяет, что из этого выходят такие-то и такие-то волшебные слова. Мы же говорим, что та практика, о которой мы говорим, — этой практике уже

причастны почти все люди. Быть причастным этой практике необычайно важно — она, эта причастность, есть единственная основа характера.

Огромное большинство людей не придает ей значения, не ценит ее, не дорожит ею, не культивирует ее, не воспитывает в себе, не возвращает ее в себе. Кто хочет действительно иметь достижение в религии или философии, в науке или политике, или искусстве, или этике, — обязанность его культивировать именно *эту практику* бытия (?), возвращать в себе этот опыт, владеть им и строить себя им, ибо кто им владеет и кто себя строит, тот приобретает особую реальность, особые жизненные *обязанности* (?).

Он имеет фундированное, предметное, обоснованное содержание, — он имеет фундированный, предметный, обоснованный характер.

Но что такое это за фундированное [созерцание] содержание и что это за предмет?

(перерыв)

(час II-й)

4.

*Я хотел вам сказать, что как история философии есть живое доказательство того, что философия — не бред, не беспредметное блуждание, — так сама философия своим существом доказывает компетентный взгляд, что она есть наука о жизни.

О жизни не в обычном слове переваривания своего бытия изо дня в день, а в том глубоком смысле, когда можно противопоставить жизнь и прозябание.

Философия есть систематическое раскрывание того, что составляет основу человеческого опыта, его духовный опыт...⁹

Есть такое содержание, такое состояние, для которого жить стоит. И есть такое — для которого жить не стоит. Вы, конечно, спросите меня, [за] каким же содержанием жить стоит. И я говорю: жить стоит тем, за что стоит и умереть, а тем содержанием, за которое умереть не стоит, — тем и жить не стоит. Тем содержанием, от которого легко отказаться, отказаться при первом требовании, — тем не стоит и жить, а тем, за которое стоит и умереть, — тем и жить стоит.

Эти меры перед лицом смерти и *мерило* (?) лицом смерти есть настоящий критерий. (?)

Он, ввиду таинственной *общезначимости* (?) *восприятия* (?) этого акта, есть критерий существенный, формальный критерий.

Я прямо утверждаю, что именно (?) это так и обстоит...

Есть содержание, достояние, которым жить стоит, и есть, которым жить не стоит.

Только то состояние и такое содержание, которым жить стоит, — только они и составят жизнь в ее истинном смысле.

*Сама жизнь в ее истинном содержании составляет источник философии, [это] она же составляет и содержание философии. И философия есть наука — по своему методу, по форме, по значению, по [приенито] применению, по категории и *инстинктам* (?), а по предмету и по источнику своему она есть сама подлинная жизнь, в ее настоящем и глубоком значении.

Философия рождается в жизни и от жизни — как необходимое и зрелое проявление ее. Не от [опыта] быта и не от животного состояния, не от прозябания и не от пресмыкания, но от жизни духа [-овной] и от его страдания, его содержания, *полноты и победы* (?).

Рожденная духом, она приводит затем всех к сознательной мысли с ее ясностью, с ее доказательностью.

Философствовать — воистину значит жить, жить тем, чем жить стоит... *И мыслью освещать и воображать, и писать* (?) — это подлинная жизнь (?). Естественно (?), что философия чужда и недоступна тем, кто не знает различия между духом и телом.

Те, кто истрепал свою жизнь бытовым содержанием и влачит ее, — те говорят, отдайте ее технике бытия, не *подымаясь над этим*. (?)

⁹ Там же. С. 66.

Те, которые постоянно пребывают в этом содержании, которым как таковым и жить не стоит, — для таких людей, конечно, не существует ни таких заданий, ни того предмета, в котором философия движется и раскрывается. Но вот тут я и спрашиваю. Я понимаю, что такие люди могут быть. Я понимаю, что они несчастны. Но в праве ли они отрицать значение философии, и отрицать от своего неведения? Они сейчас не видят, но другие-то уже видят.

...Для того, чтобы жить философским содержанием «я» и придавать ему *смысл* (?), человек должен иметь особый орган. Я [не] и хочу сказать, что в душе или в духе тоже есть такой выделившийся, обособившийся, хотя и связанный с центром, орган. Но для того, чтобы жить философским содержанием, чтобы видеть, люди обязываются, должны иметь [какой-то] (?) как бы особый орган. *Содержание* (?) (душа) «я» должно быть достаточно восприимчивым для оформления духовного опыта и предмета, и достаточно творческим для дела... И это (?) каждому человеку может быть присуще в большей или меньшей степени^{*10}. {В статье «Философия и жизнь»: Для того, чтобы жить философскими содержаниями и тем более для того, чтобы придавать им форму мысли, человек должен иметь как бы особый орган; или, вернее, душа его должна быть достаточно глубокой для философского предмета, достаточно восприимчивой для философского содержания, достаточно утонченной для философского мышления и достаточно творческой для дела оформления. Каждое из этих свойств, каждая из этих способностей может быть присуща человеку в большей и меньшей степени; и каждая иная комбинация этих сил даст иную творческую индивидуальность.}

Я говорю, каждому человеку эта способность и эта совокупность свойств может быть в большей или меньшей степени присуща. Однако душа, которая лишена первой способности, т. е. совсем не живущая в той сфере, в которой впервые открывается *наличный* (?) в философии предмет, такая душа оказывается пораженной полной слепотой, и потому окажется некомпетентной в философии.

Представьте себе человека с закрытыми глазами. Может быть, он и может их открыть, но не хочет, не желает; не смотрит и, не смотря, говорит: «Какие такие картины? Что такое Третьяковская галерея? Этого нет, это невозможно». Спорить с таким человеком — значит вести праздные прения. Ему предлагается открыть глаза, но глаза-то он открыть и не хочет...

Для того, чтобы судить о философии, надо жить тем опытом, который она творит. {нрзб.}

Надо иметь опыт для того, чтобы отрицать. Представьте себе, что я стал бы отрицать разницу между *интегралом* и *дифференциалом*... (?) Тут можно сказать: «Потрудитесь, милостив.<ый> государь, иметь опыт в области высшего математического предмета и величин». И так каждая наука, — каждая наука требует особого опыта.

Опыт есть встреча предмета с предметом в субъекте.

Кто не хочет [или] и не может жить в философском опыте, правильнее поступит, если будет воздерживаться от суждения о философии и об опыте.

5.

*Установим, прежде всего, что философия прежде всего есть знание. Философия есть разновидность знания... Не всякое знание есть философское знание, но философия есть вся разновидность знания.

Теперь ясно, что знание не может состояться иначе, как в форме встречи и схождения, — как соединение между субъектом и сознанием души... (?)

Отсутствие объекта делает <нрзб.>... (?) Отсутствие субъекта оставит предметное содержание субъективно *неисполненным* (?), неустроенным, непомысленным, непознанным. Предмет будет, но познания не будет.

¹⁰ Там же.

Для того, чтобы знание состоялось, необходимо, чтобы содержание (?) предмета вступило так или иначе в предмет *субъекта*... (?)

Чтобы иметь, надо взять — по-ять. Без взятия — по-ятия — не может быть ни понимания, ни понятия-знания. Это значит, что содержание предмета должно состояться в душе, *прежде обнаружит<ься>, вступит<ь>* (?) и познающая душа должна предоставить свои силы и средства познающему предмету. Так обстоит во всех областях знания.

Познающая душа должна предоставить свои силы и средства *предмету* (?)^{*11}.

...дать нити для того, что дает искусство ему.

Слушающий музыку должен предоставить..., предмет должен как бы прозвучать, или пропеть своим содержанием в *предстоящей* (?) душе. Предмет должен как бы высказаться в душе, или как бы выжечься углем в ткани души; предмет должен как бы подлинно побывать в душе своим содержанием, так, чтобы душа *зажила*. (?)

Стихия *самого* (?) предмета и степень (?) *одержим<ости>* его содержания<ем> — так буквальна, как это бывает в музыке. (?)

Только тогда человек может сказать, что испытал предмет, действительно испытал, что он приобрел первооснову всего знания — предметный опыт.

Вне предметного опыта невозможно никакого знания.

Каждый ученый посвящает свои силы именно тому, чтобы приобрести полный опыт.

Именно присутствие предметных содержаний, присутствие их в... (?) дает ему возможность научного познания.

Ученого можно назвать ученым лишь постольку, поскольку он превратил свою душу в *систематически* (?) одержимый предмет. (?)

Откуда пресловутая рассеянность ученых? Да потому, что он сосредоточен на чем-то другом. Он имеет растерянный вид, он способен потерять обувь по дороге и не заметить, как и было однажды с Гегелем. Он рассеян *здесь*, потому что сосредоточен *там*. Он имеет какой-то ошалелый, странный вид. Говоришь, — он часто не слышит. На улице знакомых не узнает. Потому что он занят, он одержим своим предметом, который внутри все время испытывает, в сосредоточение которого он, ученый, погружен; в переживание которого он вложил [свое] все переживания своей души, всю энергию своей жизни.

Где душа систематически одержима предметом, его *познанием* (?), потому что научное изучение есть прежде всего систематический порядок предметной одержимости... (?) Это относится и к художнику, и это относится и к религиозному аскету. Это относится к великому ученому, который строит внутренний опыт, отвлекаясь во вне, от периферии окружающей действительности, и уходя в колодезь, в шахту своего опытного и предметного созерцания. Знания, конечно, этого не исчерпать, но в этом его почва, в этом его основа.

*Вне мобилизованного предметного опыта никогда никакого знания, ни вопроса, *какое такое духовное творчество*, не было и не будет. (?)

Я говорю, — вне мобилизованного предметного опыта никогда никакого знания не было, нет и не будет. Итак, возникает силлогизм: всякое знание есть опытное знание; всякая философия есть знание; следовательно, всякая философия есть опытное знание^{*12}.

6.

*Неопытная философия, сверхопытная философия, априорная философия, я говорю, [не] есть недоразумение или легенда. Известно, что философия не раз

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Там же.

старалась утвердить свое знание независимо от опыта, и, тем не менее, безопытной философии никогда не было и не будет.

Именно тогда, когда философия думает, что она освободилась от опыта, она как раз предвосхитила его и свершила обмен — освободила себя от известного специфического предметного опыта и обратилась к нечувственному опыту*¹³. Вся логика движется (?) не мыслящим (?) опытом.

Вся психология движется внутренним опытом.

Я говорю, может быть так, что философия как бы чувствует, что, освободив себя от опыта, она освободила себя от опытного восприятия, однако предмет ее освободил себя для... (?) в геометрии... нужно, чтобы понимать ее, (?) закрыть [эти], таким образом, глаза и вообразить себе внутренним опытом пустые иллюзорные (?) плоскости равнобедренного треугольника и призмы, прямого угла или конуса и т. д.

(?)... Я говорю поэтому, она освободила себя и от восприятия, оно было [не]существимо, бесспорно, для другого.

Она, может, уклонилась совсем от предметного опыта и удовлетворилась беспредметным опытом, суррогатом предметного опыта, — это все возможно. На самом деле опыт обстоит во всех этих случаях... [приобрести] (?) предвосхитить опыт — это не значит обойти его, — это значит получить его на неверном пути... (?)

Рисуют кита, рисуют носорога... Дети рисуют картинки... это есть опосредованный (?) опыт. (?)

Поэтому я говорю, предвосхитить опыт — не значит обойтись (?) без него совсем, но значит получить его на неверном пути. (?)

Специфический (?) опыт не признает (?) бытия опыта. Но беспредметный опыт может открыть беспредметные сферы, — это неверно... (?) Я получил опыт неопределенных (?) содержаний. (?)

Необходимо раз навсегда покончить с предрассудком внеопытного знания. Философские науки делятся на опытные и внеопытные, — или делятся на такие, которые сознательно культивируют опыт, и такие, которые не сознательно, но культивируют опыт. (?)

От опыта не освобождает никакое воззрение (?), никакое рассудочно-логическое дерзновение (?), ни один из этих путей не освобождает познания и философию, и человеческую душу от обязанности иметь предметный опыт.

Предметный опыт лежит в основе [всего-и] всякого, не только философского, но и познавательного, и всякого иного творчества.

I/Ш-21 (Подпись)

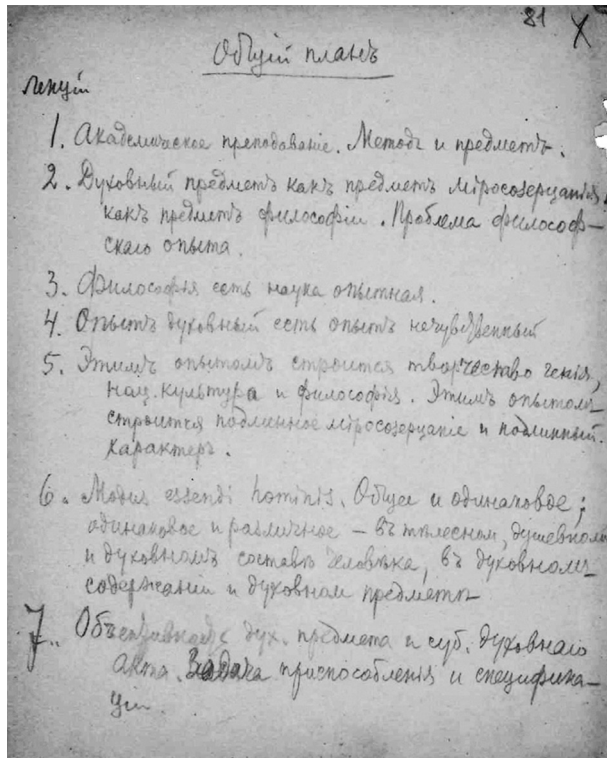
Общий план

лекций¹⁴

1. Академическое преподавание. Метод и предмет.
2. Духовный предмет как предмет мирозерцания и как предмет философии. Проблема философского опыта.
3. Философия есть наука опытная.
4. Опыт духовный есть опыт нечувственный.
5. Этим опытом строится творчество гения, нац. <иональная> культура и философия. Этим опытом строится подлинное мирозерцание и подлинный характер.
6. Modus essendi hominis. Общее и одинаковое; одинаковое и различное — в телесном, душевном и духовном составе человека, в духовном содержании и духовном предмете.

¹³ Там же. С. 67–68.

¹⁴ Публикуется по Ильин И. А. Мирозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522. Л. 81–85.

Фрагмент публикуемой рукописи

7. Объективность дух.<овного> предмета и суб.<ективность> духовного акта. Задача приспособления и спецификации.

8. Духовный протофеномен: цельно-приемлющее и осуществляющее переживание на самом деле совершенного предмета. Протофеномен: проживание об.<ективной> ценности. Это отправной пункт и клад лаборатории. Духовная любовь. Дух и душа.

9. Идея духовного поступка и универсальной ответственности за себя. Проблема свободы.

10. Доказательство несвободы человека.

11. Разрешение проблемы: свобода как сила и самоусиление; как самоосвобождение; как самоукрепление.

12. Избрание детерминирующих компонент; утверждение себя ими и в них. Противопоставление других. Победа. Идея нормальной победы: самовключение побежденного в победителя. Мораль и нравственность. Политич.<еская> автономия; гражданин и государство.

13. Духовная жизнь как самостроительство. Различение, усмотрение разноценности, предпочтение, избрание, приятие. Организация замкнутости и открытости. Отбор; впуск и невпуск. Опасность цельной интровертированности (граненость личности в страдающей скудости и пустоте); опасность цельной экстравертированности (содержательное изобилие в дурной случайности и в самоутрате личности).

14. Учение о духовном самоотождествлении. Самоизвлечение, самособирание; эвакуация, сосредоточение, унификация, интенсификация, предметная интенция, уход.

Невозможность отождествления с вещью (кроме питания; простр.<антвенно>-врем.<енное> инобытие, распыление личности, самоутрата). Возможность и необходимость самоотождествления с духовным предметом. Это дело души: верную грань личности (я — не я), предметное содержание ее, ее достижение, ее силу.

15. Таинственное тождество: все еще личное я и в то же время больше лично-го меня. Сократ. Евангелие. Фихте. Гегель. Муза Пушкина. Божественное во мне, как сущность меня. Личный акрополь, храм, святыня. Характер не строится — если «это все-таки не я» — укор совести. Качественно и реально — это уже я. Объемно и предметно — это больше меня.

Через это тождество: свобода утасает — я иначе не могу и не могу иначе хотеть; свобода сохраняется — я иначе не хочу и не хочу иначе мочь.

То, — где *это так* — есть личность и ее характер.

16. Самоутверждение предметом. Я большое: слияние в содержании и в акте; слияние судьбы. Инстинкт предметного самосохранения. Самоотречение как самоутверждение.

17. Любовь как главный орган духовного самоутверждения. Любовь как подъем сил от чувства лишенности. Духовная любовь как достижение. Духовный предмет дается одним тем, что берется. Любовь как радость; самообъективация; все говорит мне да; как обновление; покаяние; гарантия блаженства. Любить больше себя; что заслуживало бы этого; чем стоило бы жить потому, что за это стоило бы и умереть. Измерение любви и характера смертью за предмет перед лицом Божиим.

18. Пребывание в предмете любовью как основа оптимизма и победы. Опыт предметного бессмертия. Обоснование духовной ненависти: образ Сына Божия — приятие зла, через непорочащее самоотжествление с ним.

19. Мироприятие и мировхождение. Акрополь и вылазка. Идея нормального, духовного, совестного компромисса.

20. Основное нравственное противоречие войны. Идея виновного героизма. Грани: акт совести и бескорыстно усмотренная эмп.<ирическая> необходимость борьбы. Идея виновного бескорыстия.

21. Углубление идеи компромисса. Пребывание в предмете как целостное и искреннее. Анализ предательства и лжи. Блаженство верности.

22. Чувство собственного духовного достоинства. Предметное уважение к себе как основа мирозерцания и характера; как основа правосознания, общественности, идеологии. Дефекты и недуги.

23.

Источники и литература

1. Ильин И. А. Мирозерцание и характер. Курс лекций. Подготовительные материалы к курсу. Состав семинара. 1920–1923 // НБ МГУ. ОРКиР. Ф. 47. Ед. хр. 522.

2. Ильин И. А. Философия и жизнь // Религиозный смысл философии: три речи (1914–1923). Париж: У. М. С. А.-PRESS, 1925.